

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ: ВАРИАТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В. М. Михеев,

*первый проректор Белорусского
государственного университета культуры
и искусств, доктор социологических наук*

Русский мыслитель Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) до сих пор неоднозначно понимается и трактуется как специалистами в современной научной литературе, так и публицистами, которые проявляют интерес к его теоретическому наследию. При всем разнообразии и всей противоречивости идей ученого ему принадлежит немало самобытных мыслей, суждений, далеко опередивших свое время и ставших предтечей многих современных дискуссий.

Среди них одной из центральных является постановка проблемы о различных историко-культурных типах, или цивилизациях. Причем понятие *цивилизация* автор трактовал достаточно широко, полагая, что оно «более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает» [2, с. 105].

Такая постановка проблемы требует во многом иначе, чем это было принято во второй половине XIX в., рассматривать ключевые вопросы философии истории, в частности учитывать, что «формы исторической жизни человечества... не только изменяются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческим типам» [2, с. 159].

К этому положению примыкают и суждения Данилевского о невозможности линейного развития прогресса, недопустимости ранжирования типов цивилизационного устройства по принципу «выше – ниже»/«лучше – хуже». Время убедительно доказывает правоту вывода культуролога о невозможности существования общей теории устройства гражданских и политических обществ.

Принципиально важными являются и размышления Данилевского о будущем развитии славянского мира, в частности России. Славянская культура, по его мнению, придет на смену германороманской (европейской). «Открытие» русского мыслителя вызвало волну неприятия и уничтожающей критики в научно-

публицистических кругах России и Запада, хотя отдельные выдающиеся умы того времени – К. Н. Бестужев-Рюмин, К. Н. Леонтьев, П. А. Сорокин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой отмечали рациональное зерно в размышлениях автора «России и Европы» (1869).

Глубоко понимал теоретические поиски Данилевского философ И. А. Ильин, развивший ряд его принципиальных положений в середине XX в. Очевидными были выводы русского ученого и для одного из крупнейших мыслителей своего времени – Н. О. Лосского, который отмечал в теории культурно-исторических типов то, что «каждый из них выражает идею человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют нечто всечеловеческое». Н. О. Лосский разделял существеннейшую идею Данилевского о том, что «господство одного кита, распространенное на весь мир, означало бы постепенную деградацию» [6, с. 98].

Разумеется, было бы бессмысленным искать и находить в трудах ученого, творившего в XIX в., в другую эпоху, имевшую свое, во многом неповторимое лицо и содержание, какие-либо готовые ответы или рецепты на поставленные XXI в. проблемы и вопросы. Однако величие Данилевского определяется, наряду с другими особенностями, в первую очередь духовной силой его идей, способностью быть «участником» современных дискуссий. Не все в теоретическом наследии мыслителя «удобно» и сегодня. В ряде конкретных, жизненных вопросов Данилевский на удивление был прям и прост в изложении наблюдений и выводов.

Имя ученого стало модным упоминать при обращении к истории социальной и политической мысли второй половины XIX в. Однако, на наш взгляд, объективного понимания наследия Данилевского, исходя из того периода времени, в котором жил и творил автор, по-прежнему недостает отдельным исследовательским работам, в которых идеи мыслителя понимаются каждым по-своему, приобретая весьма «самобытную» форму. Так, российский историк А. В. Хорошева пытается увидеть в Данилевском либерала-прорицателя [10].

Безусловно, многие разработки Данилевского не утратили своей актуальности и в начале XXI в. Среди них: постановка и решение проблемы будущего России и славянства в целом, судьбы славянской культуры; утверждение, согласно которому мировая цивилизация ни при каких условиях не должна отождествляться с ценностями только западноевропейских народов, так как

существуют самобытные культурно-исторические типы Индии, Китая, Латинской Америки, Австралии, арабского и африканского регионов и др.; аргументация в защиту сильной российской государственности; уважение права народа, большого и малого, на самостоятельное, самобытное развитие – политическое, экономическое, духовное; отрицание одной формы развития или государственного устройства, приемлемой для всех народов, и др.

Исследователи, указывая на противоречия в теории Данилевского, на наш взгляд, не акцентируют внимание на главном звене его философской системы – идее будущего, благодаря раскрытию которой он и вошел в историю мировой культуры и философской мысли. Именно идея будущего славянских народов и России является основой всех теоретических размышлений культуролога.

Ученый предпринял попытку осмысления истории человечества с точки зрения развития цивилизаций как множественности и неповторимости культур, у которых были, есть и будут свои стадии зарождения, развития и угасания. Автор во многом нестандартно подошел к разработке данной проблемы. В качестве исходной для теоретических построений Данилевский принимает реальную проблему разнообразия культур и различий в их внутреннем содержании. В основном своем историко-философском сочинении «Россия и Европа» он формулирует положение о культурно-исторических типах, посредством которого опровергается подход к истории как прогрессу некоего общего разума, некоторой единой цивилизации, характерный для школы классического немецкого идеализма Шеллинга – Гегеля, а затем социологов-позитивистов.

Как отмечал Н. К. Михайловский, народы, способные сложиться в культурно-исторический тип, последовательно выходят на арену истории, развивая в возможно высшей степени особенности своей духовной природы, а затем изнашиваются, уступают место новому культурно-историческому типу [8]. Задачу человечества Данилевский видел ни в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, тех особенностей направления, которые заложены виртуально (в возможности, потенции) в идее человечества. К числу высочайших нелепостей, когда-либо приходивших в человеческую голову, отмечал ученый, принадлежит мысль о бесконечном развитии или бесконечном прогрессе. Философ излагает свое понимание этой сложнейшей проблемы в истории человечества: «Дабы поступательное движение вообще не прекратилось в жизни всего человечества,

необходимо, чтобы, дойдя в одном направлении до известной степени совершенства, началось оно с новой точки исхода и шло по другому пути, т.е. надо, чтобы вступили на поприще деятельности другие психические особенности, другой склад ума, чувств и воли, которыми обладают только народы другого культурно-исторического типа» [3, с. 114–115].

Н. Я. Данилевский формулирует положение вариативного развития истории, которое, по кажущейся простоте, но не по глубокому замыслу, не всеми исследователями было адекватно осмыслено и понято: «Прогресс состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях» [3, с. 115], «стремиться к другим целям» [3, с. 421]. Он отмечает, что поток всемирно-исторического прогресса множество раз срывался в «подземные пропасти и низвергался водопадами», т.е., как писал Н. И. Кареев, Данилевский отвергает единую нить в истории человечества [4, с. 83].

Русский философ аргументированно опровергает представление о прямолинейности развития, которое, по мнению А. Тойнби, есть «ложная концепция “единства истории” на базе западного общества» [9, с. 85]. Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, «если неизбежен линейный прогресс, предоставив всему идти своим чередом, сняв с себя всякую ответственность, мы можем, как гласит поговорка, плевать в потолок, предоставив человечеству неизбежно приближать нас к упоительной гармонии будущего» [7, с. 243]. Такой подход испанский философ считал одной из «рыбацких идей», так как история рассказывает о бесчисленных поворотах вспять, упадке и вырождении.

Резюмируя, Данилевский приходит к выводу: ни одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляла высшую точку развития в сравнении с ее предшественницами или современницами. Именно поэтому, считает ученый, народы европейского культурного типа пошли в другом направлении, по пути «аналитического» изучения природы, создали положительную науку, которой не было ни у какой другой цивилизации. Эту идею Данилевского о способности народа выразить и раскрыть в полной мере только ему присущее «начало» в дальнейшем развивал В. В. Розанов. С таким подходом не соглашались Н. И. Кареев и Н. К. Михайловский. Рациональная идея автора «России и Европы»

была замечена и оценена не сразу, и даже его попытку доказать «жизнеспособность и культурную плодovitость славянства» отдельные недоброжелатели приняли за «принижение» Европы.

Анализ известных историко-культурных типов позволяет Данилевскому сделать вывод о закономерности их развития: «...до сих пор развитие человечества шло не иначе как через посредство самобытных культурно-исторических типов, соответствующих великим племенам, т.е. через посредство самобытных национальных групп» [3, с. 118].

Ученым предпринята плодотворная попытка по-новому объяснить ход всемирной истории, взяв за основу генезис культур. Значение ее несомненно, и утверждать сегодня обратное – значит пытаться повернуть время вспять. Данилевский фактически обосновывает вариативный характер всемирной истории через концепцию разнообразия культур.

Проблема, которую рассматривает мыслитель, далеко не так проста и очевидна, как может показаться вначале. Ее решение пытались найти и в древности, и в Средние века, и в Новом времени: Аристотель, Полибий, Сыма Цянь, Ибн Хальдун, Вико, Макиавелли, Кампанелла, Шарль Фурье, Гердер, Ортега-и-Гассет, Бертран Рассел, Гумилев и другие, тем самым подтверждая правоту истины, что невозможно создать «единую схему, внутри которой все исторические факты были бы приведены в строгий порядок, <...> такая схема не может охватить весь обозримый мир» [9, с. 225]. Важно и то, что Данилевский допускает преемственность культур, т.е. выходит за пределы «круга», замкнутости, ограниченности локальных культур. Историческую миссию каждого народа ученый видел в его вкладе в сокровищницу мировой культуры.

Данилевский поднял еще одну весьма существенную проблему: все народы творят историю, но это не механическая сумма ценностей, вклад каждого народа свой. В чем здесь причина? Философ акцентирует внимание на больших этнических общностях: арабах, народах Индии, Китая, романо-германском культурном типе, славянах и др. Исчезновение каждой такой группы – это утрата и для мировой цивилизации, ведь жизненное пространство неограничено. Может быть, в этом заключается одна из причин того, что у каждого народа есть свои кризисные периоды. Ученый обоснованно ставит вопросы: каковы границы возможных изменений того или иного исторически сложившегося

общества, насколько оно подвержено влиянию различных сил, стремящихся его разрушить?

В вопросе закономерности, как и в решении иных проблем общественного развития, он стоял на позициях идеализма, провиденциализма. Но сегодня и эта точка зрения на мир и его явления важна для развития социальной мысли и имеет основания для существования, тем более если находит подтверждение в жизни.

В теории культурно-исторических типов Данилевского, несомненно, есть и недостатки, и было бы неправильно ее идеализировать. Например, К. Н. Леонтьев считал, что, перечисляя культурные типы, ученый «забыл» Византию. Затем, не две основы, научно-художественную и государственную, надо признавать в романо-германской культуре, как это делает Данилевский, а три, «ибо католицизм надо признать истинно великой религией» [5, с. 221].

В XXI в. интенсивно развивается Восток. Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия и другие страны вносят национальное своеобразие в мировую сокровищницу опыта. И в то же время есть аборигены Австралии, которые не имеют письменности, дикари Амазонки, полудикие племена в Индии. Действительность убедительно показывает высокую эффективность различного рода компромиссных, промежуточных вариантов развития. Тойнби отмечал, что человечество не сможет достичь политического и духовного единства, следуя западным путем. Вывод британского философа истории: «Человечество нуждается в единстве, но внутри обретенного единства оно должно позволить себе наличие многообразия. От этого культура его будет только богаче» [9, с. 598–599].

Любой прогноз обречен на неточность. Природа социальной жизни, как и природа человека, уникальна по своей изменчивости, а потому в ее движении всегда существует элемент неопределенности. В попытке спрогнозировать перспективные тенденции развития общества нет ничего мессианского или националистического. В конечном итоге смысл и значение всех наук об обществе и заключается в том, чтобы научиться давать надежный социальный прогноз. И в этом плане вклад Данилевского немаловажен. По нашему мнению, теорию культурно-исторических типов (цивилизаций) Данилевского можно рассматривать и как поиск универсальной концепции развития народов посредством генезиса культур.

Цель исследования ученого – доказать возможность, необходимость прихода новой славянской культуры. В Европе, как и в России, существовало убеждение, что культура есть только одна, непрерывно развивающаяся, причем все прежние являются лишь ступенями этого развития. Хранилище культуры – Европа, развитие ее бесконечно, как и существование самого человечества, которое может быть прекращено только в результате катастрофы. Следовательно, в настоящем и будущем эта культура должна «обнимать» все народы, а вот для «восприятия» ее следует пожертвовать своим народным во имя общечеловеческого, что подразумевается под этой культурой.

Как отмечал Тойнби, «в наше время разворачивается впечатляющая и всеобъемлющая экспансия западного мира. Впервые за всю историю человечество столкнулось с ситуацией, когда одно общество распространило свое влияние практически на всю обитаемую поверхность Земли» [9, с. 216]. Данилевский отвергает такой подход к централизации культуры. Отрицая возможность отречения от своей народности, ученый считал несостоятельным и так называемый политический патриотизм, который защищает только внешнее государственное единство, признавая общую, единую культуру. Тем более, по мнению Тойнби, «прогрессивное и кумулятивное завоевание человеческого окружения напрямую связано с территориальной экспансией, направленной от географического центра цивилизации к периферии, но это ни в коей мере не может считаться правомерным показателем роста цивилизации.

Пожалуй, единственным социальным последствием территориальной экспансии можно считать ретардацию, или замедление роста, но никак не усиление его. Причем в крайних случаях наблюдается и полная остановка роста» [9, с. 217]. В теории культурно-исторических типов синтезированы отдельные подходы Д. Вико, Ж. де Местра, Г. Рюккерта, а также Р. Ю. Виппера, К. Лампрехта, Г. Спенсера, Ф. Шеллинга, естествоиспытателей Ж. Кювье, К. Бэра, ранних славянофилов, Ап. Григорьева и других о том, что народы, как и люди, мужают, стареют и умирают. К истории Данилевский применил закон разнообразия в единстве, общий закон природы. Теория культурно-исторических типов в изложении философа носит исключительно мирный характер.

Ученый опровергает и существовавшее понимание процесса развития человечества как единого прямолинейного движения по

восходящей и цивилизации как единого и единичного процесса. По мнению ученого, «идеальнейший порядок вещей на земле» должен заключаться в том, чтобы все великие этнографические группы, на которые разделено человечество, одновременно развили бы лежащие в них особенности до «культурного цвета». Однако, как показывает жизнь и история, ни одна культура не может быть вечной, и если бы «все разом проливали свет свой, то все разом (или почти разом) и помирали бы, и мрачная ночь варварства распространилась бы над всей землею» [3, с. 175]. С другой стороны, продолжает мысль Данилевского Тойнби, «в мире нет общества, имеющего право утверждать, что оно прошло по пути цивилизации до конца и достигло своей цели» [9, с. 354].

На наш взгляд, важнейшая заслуга Н. Я. Данилевского как раз и состоит в развенчивании линейного прогресса, в децентрализации культуры (центры культурно-исторического развития смещаются постоянно), в отрицании абсолютного примата какой-либо культуры над другими. Данилевский видел путь культурно-исторического и социокультурного развития не в линейном прогрессе, а в прогрессе в глубинах «собственного поля действия», т.е. самобытности, самоопределенности, самотождественности каждого народа и каждой нации, с одновременным освоением всего богатства, выработанного всеми народами за всю историю их существования. Ведь даже в XXI в., когда экспансия Запада и сопутствующая ей вестернизация мира зашли очень далеко, можно увидеть живых представителей каждой ступени развития техники – от техники каменного века, которой до сих пор пользуются эскимосы и австралийские аборигены, до современной машинной, которая придала западному обществу невиданную мобильность. По Тойнби, «критерий роста – это прогрессивное движение в направлении самоопределения, а движение в сторону самоопределения – это прозаичная формула чуда самовыражения жизни» [9, с. 250].

Сегодня отдельные ученые поддерживают точку зрения Данилевского. Как отмечает академик РАН Л. И. Абалкин, «осмысливая с высоты современного знания предшествующий опыт, можно прийти к выводу, что общественное развитие и общественный прогресс в целом не являются линейными... Прогресс может быть представлен в виде многовариантного процесса, включающего как главное направление общественного развития, так и побочные, в том числе тупиковые, направления» [1, с. 16]. То, что было в

истории, – это не единственно возможный вариант развития. Это всего лишь одна реализованная возможность из большого числа вероятных направлений общественного прогресса, которая как бы оставляет в тени все другие, не реализованные на практике альтернативные варианты.

Принципиально важной является мысль российского экономиста о том, что общественное развитие не может быть выведено лишь из сугубо экономических причин: «В рамках глобальной цивилизации существовали и существуют различные по масштабам, имеющие свои особенности субцивилизации. Их развитие детерминировано совокупностью социокультурных, национальных, религиозных и иных факторов» [1, с. 17], т.е. повторяет практически все то, что обосновывал в 70-х гг. XIX в. Н. Я. Данилевский.

Значимым является и утверждение Данилевского о том, что начала, лежащие в народе одного культурно-исторического типа, не могут быть заменены началами другого типа без разрушения самобытного характера самой культуры. Каждый народ, каждая культура должны развиваться в соответствии со своими началами. Право каждого народа на культурно-историческую самобытность реализуется только при условии многообразия культурно-исторических типов. Ни один из них нельзя ни принизить, ни отрицать. Безусловное многообразие культурно-исторических типов предполагает их относительное единство, но не наоборот, ибо навязываемое «единство» всегда носит деструктивный характер. Особенно зримо эвристичность идей Данилевского проявляется при рассмотрении истории и культуры XXI в., когда модели социокультурного развития приходили в противоречие с реальным историческим процессом и когда прогресс как таковой по существу оборачивался регрессом, поскольку не учитывались сочетание синхронности и диахронности в истории и в самобытных культурах, равно как и сам самобытный характер культур различных народов («уединенные» и «преемственные»).

Глубина мысли Данилевского, на наш взгляд, как раз и заключается в идее разнонаправленности человеческого развития. Люди не могут повсюду, в разных уголках земного шара жить на один манер, по одному образцу. Человеческое существование – это мир различий и взаимность в различиях. Эту проблему в XX в. всесторонне развивал российский историк М. Я. Гефтер. Сегодня человечество неуклонно идет к пониманию и выработке нового модуса жизни и взаимопонимания народов, и, несомненно, богатую

почву для «созревания» данного подхода подготовили и взгляды Данилевского.

Человечество в процессе эволюции не только проходит ряд последовательных общественно-экономических формаций (которые уже не представляются в виде элементарной так называемой марксовской «пятичленки»), но и представляет собой систему различных типов культур, находящихся в сложном взаимодействии. В сегодняшнем, во многом унифицированном мире, пробивают дорогу разные тенденции. Усиление единых принципов, единых начал в организации общественной жизни в разных странах и различных социальных системах будет сопровождаться нарастанием своеобразия ее национальных и культурных проявлений. Чем более сходным становится стиль жизни разных народов, тем более упорно они придерживаются глубинных ценностей, выраженных в культуре, религии и семейной жизни. По мере сближения внешних признаков народы все более дорожат традициями, идущими из глубины истории. Отсюда вытекает вывод об опасности навязывания обществу жестких схем развития.

Данная проблема имеет не только чисто академическое значение. Ведь нельзя всерьез разрабатывать программы радикального обновления и возрождения страны, строя их по неким готовым западным образцам и моделям. Здесь непременно должны учитываться историческая преемственность и культурные традиции, уклад общественной и семейной жизни, господствующая система ценностей и многое другое.

Н. Я. Данилевский вошел в историю мировой социальной мысли в одном ряду с О. Шпенглером, А. Тойнби, П. Сорокиным. При этом важно отметить, что он первым обосновал концепцию культурно-исторической типологии, в основу которой положен принцип многообразия локальных цивилизаций, циклического развития культуры.

1. Абалкин, Л. И. К цели через кризис. Спустя год... / Л. И. Абалкин. – М. : Луч, 1992. – 223 с.

2. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 574 с.

3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – СПб. : тип. бр. Пантелеевых, 1895. – 629 с.

4. *Кареев, Н. И.* Историческое мировоззрение Грановского / Н. И. Кареев // Собр. соч. : в 3 т. – СПб. : «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1911–1913. – Т. 2 : Философия истории в русской литературе. – 1912. – 236 с.
5. *Леонтьев, К. Н.* Избранное / К. Н. Леонтьев. – М. : Рарогъ : Моск. рабочий, 1993. – 397 с.
6. *Лосский, Н. О.* История русской философии : пер. с англ. / Н. О. Лосский. – М. : Сов. писатель, 1991. – 482 с.
7. *Ортега-и-Гассет, Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы : эссе о литературе и искусстве : сб. : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Радуга, 1991. – 639 с.
8. Сочинения Н. К. Михайловского : в 6 т. / Н. К. Михайловский. – СПб. : Редакция журнала «Русское Богатство», 1896–1897. – Т. 1. – 1896. – VII с., 970 стб.
9. *Тойнби, А. Дж.* Постигание истории : сб. : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
10. *Хорошева, А. В.* Творчество Н. Я. Данилевского в общественной мысли пореформенной России : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Хорошева. – М., 2007. – 285 с.